

Именная должность

[Николай БЕРЕЗОВСКИЙ](#) - 03 мая 2017

Body

Наткнулся на объявление от руки: «Освободилась должность Олега». В скобках – пояснение: «Вещи носить». И номер телефона.

Насчёт «Олега» ясно – наверняка описка автора. Или недописка: «Спросить» перед именем подразумевается. Поставил бы точку после слова «должность» – и никаких вопросов. А может, и намеренно не поставил, – прикол такой, чтобы объявлением заинтересовались.

Я заинтересовался – и тотчас позвонил с мобилы на короткий номер:

- Здравствуйте! Я по объявлению... Вещи носить – какие? Или – за кем?

Не знаю, на кого уж попал, но отвечали предельно откровенно:

- За супругой хозяина – шоппинги она обожает!

- Ага, – вспомнил Маршака, – «диван, чемодан, саквояж, картину, корзину, картонку и маленькую собачонку»?

- Нет, собачонку не придётся. Хозяйка терпеть не может братьев наших меньших, – ответил, наверное, как раз и писавший объявление.

- А вы, извините, Олег?

- С чего вы взяли? – усмехнулись в трубку.

- Так объявление этим именем подписано, пусть и с ошибкой, – немного растерялся я.

- Нет, в канцелярии хозяина объявления никогда никакими именами не подписывают.

Достаточно номера телефона, считают, или электронного адреса. И ошибки никакой в имени нет. Освободившуюся должность носить за хозяйкой купленные вещи может занять только человек с именем Олег, – получил странное объяснение.

- А почему на эту должность именно Олег требуется? – вылетело само собой.

- А у хозяина весь мужской персонал – Олеги, как и сам хозяин. С тех пор, как на него в девяностых покушались, прежде спросив, Олег ли он...

Я, к счастью, не Олег. И попрощался с невидимым собеседником:

- Благодарю, Олег, за исчерпывающую информацию.

- Вам было уже сказано: не Олег я! – отозвались уже с раздражением. – Но – взаимно! – вроде и извинились, прежде чем опустить трубку.

«Странно, – подумалось мне, – если весь мужской персонал службы «хозяина» сплошь его тёзки, то кто он – не Олег, с которым я разговаривал?». Но перезванивать не стал. Родственник, наверное, предположил, иначе не был бы он таким осведомлённым. А на другой день средства массовой информации сообщили: «Вчера в нашем городе расстрелян авторитетный предприниматель Олег Х. «Хозяин», как в прошлом его нередко называли в криминальной среде, убит в собственном особняке тремя выстрелами в упор приблизительно в полдень. Охрана сибирского олигарха в это время отсутствовала, сопровождая его жену, – большую любительницу прошвырнуться по бутикам...» «Приблизительно в полдень» я и разговаривал с человеком, о котором мог сказать лишь одно – имя его не Олег. О чём знали и примчавшиеся ко мне почти сразу после первых новостных выпусков городской криминальной хроники служивые из следственного комитета с записью нашего разговора. «Умеют работать!» – мысленно оценил я их расторопность. Следователей интересовала причина моего звонка:

- Разве вы нуждаетесь в работе?

- Нет, не очень.

- Зачем же тогда звонили?

- Объявление неординарное. Я никогда об именных должностях не только не читал, но и не слышал, хотя и предположил, что это – описка. Но всё же позвонил. Интересно. Я ведь писатель...

- Вот что, писатель, – сказали мне, – а показать это объявление можете?

- Конечно, если его не содрали...

Объявление, высмотренное мной среди других, наклеенных прямо на гофрированный забор, огораживающий стройку неподалёку от моего дома, оказалось на прежнем месте. Служивые сфотографировали его в разных ракурсах, аккуратно отклеили и спрятали в прозрачный пластиковый пакет.

- А чего это они объявления по-старинке пишут и на заборы ляпают, когда у олигарха служат? – задумался вслух пожилой служивый.

- А об этом у олигарха и спросим, – сплунул молодой. – Из жадности, наверное, – всё же предположил.

- Позвольте, как это вы убитого спросите? – удивился я.

- Как надо, так и спросим, – ответил пожилой.

- Поймёте, как услышите, – туманно откликнулся и молодой.

И служивые, попросив меня расписаться в опросном листе, удалились восвояси. А я направился к своей многоэтажке, гадая, что пойму, когда что-то услышу. Может, ещё какую-то запись обнаружили – разговора, скажем, между киллером, прежде чем он спустил курок, и авторитетным предпринимателем? И в дверях подъезда столкнулся с соседкой.

- Слышали, нашего-то олигарха, оказывается, не убили! – радостно сообщила она. – Он жив-живёхонек, на Канарах сейчас!

- А кого тогда, Анна Ивановна? – уставился я на неё.

- Двойника евонного, вот кого! – торжествующе объявила соседка, будто такая подстава спасла её родственника или очень близкого знакомого.

Удивительно, в России, давно подметил я, чем человек несчастнее и беднее, тем он благожелательнее относится к преуспевающим и богатым людям, хотя, вроде бы, должен их ненавидеть. И социологи с политологами, вон, утверждают, что причина всех революций – социальное неравенство в обществе. Нажитое неправедными путями, считает, мол, реорле, должно быть отобрано и поделено поровну. Но та же Анна Ивановна, получающая мизерную пенсию и едва сводящая концы с концами, вспомнилось, неделю искренно горевала по самому знаменитому российскому олигарху и политику, когда он то ли умер, то ли был задушен на чужбине. А теперь вот счастлива, что местный уцелел.

- Да вам-то, Анна Ивановна, что с того, убили или не убили миллиардера? Вы ведь с ним не одной крови, – говорю соседке.

- И пускай, – ответила. – Но он всё одно нашенький. Земляк, одним словом.

- Ладно, – принял этот её довод. – Но разве тот, за упокой которого вы в церкви свечу

возжигали, «нашенский»? – напомнил об олигархе мировой, можно сказать, известности, уже давненько переместившемся в мир иной.

- Как же не нашенский? – Анна Ивановна даже руками всплеснула. – А наш нефтезавод кому принадлежал, как не ему, пока в другие руки не ушёл?

- А что, он своими доходами с этого нефтезавода с вами делился, а его сменщик перестал? Из его кармана в ваш, насколько знаю, ничего не перепало...

- И пусть. Зато, говорю, нашенский, а не из Китая или Израиля. Вот. А с Олегом... – назвала она по отчеству и фамилии местного олигарха, подменившего себя схожим с ним, – мы и вовсе в одном городе живёт. Сейчас, вот, в церкву бегу – свечку в его здравие поставлю.

- А другую, за упокой убитого вместо него, поставите? – спрашиваю, не понимая логики соседки.

- А что ж за него-то ставить, коли я его не знаю? – удивилась Анна Ивановна. – Да и должность у него такой была. Зарабатывал, верно, богато. Я, когда санитаркой в больничке для чахоточных работала, молоко за вредность получала. И на пенсию раньше вышла. Каждому – своё. Этот, о ком ты говоришь, своё исполнил справно. Перед Богом зачтётся. Так что ни к чему на свечку ему разоряться. Ты знаешь, почему нынче свечки в церквах? Во-во, вижу: не знаешь. Дорого стоят! – И убежала, не пугаясь предстоящей траты на олигарха.

Дома, заглянув в Интернет, я убедился, что соседка верно передала мне суть обновлённой вчерашней новости. Может, как раз от следователей, приехавших ко мне, в СМИ и узнали, кто был убит на самом деле. Вот только с вопросом к олигарху, почему в его канцелярии пишут объявления от руки, им придётся повременить. Тот решил продлить свой отдых на неопределённое время, уже вывели проныры-журналисты из других источников, полетев с Канарских островов, оказалось, не в Россию, чтобы проводить в последний путь двойника-тёзку, а в неизвестном направлении. Да и зачем провожать, если, права моя соседка, он справно исполнил то, за что ему, наверное, щедро платили. И вот здесь до меня дошло, наконец, почему беднейшие слои нашего общества не только не испытывают ненависти к толстосумам, но даже восхищаются их умением наживаться, обдирая других, как липку. Потому что обездоленные мыслят одинаково с нуворишами: каждому – своё! А отсюда и элементарный вывод следует, опровергающий уверения социологов и политологов. Не социальное неравенство в обществе причина революций, а передел собственности между теми, кто никак не может насытиться, извините за тавтологию, собственной собственностью, какую не только ценит, но и стремится преумножить. А бедному народу что ценить и преумножать, если он даже единственное своё богатство давно сдал в металлолом?

О цепях, сданных в металлолом, я и сел писать рассказ. И день писал, и другой, а утром третьего вышел прогуляться и подышать свежим воздухом. И, надо же, на том же гофрированном заборе, каким обнесли стройку, наткнулся взглядом на свежее объявление. Правда, не от руки. Компьютерный текст гласил: «Срочно требуется сотрудник по имени Николай. Очень высокий заработок». И в скобках именно мой возраст указан. А в приписке не телефон или E-mail – ехать надо. Ломаю теперь голову – устраиваться мне на именную должность или проигнорировать её? А главное – примут ли меня на неё по совместительству?

Поскольку, собравшись уже отправиться по адресу, сообразил запоздало, что обманул служивых из следственного комитета насчёт своего неведения об именных должностях. Сам ведь именно на такой числюсь. У писателей, даже если их имена не на слуху, как раз такие должности – именные. Увы, скудно или совсем неоплачиваемые за созданные на этой должности литературные произведения. Даже если произведения и очень талантливые. Как, например, этот рассказик, за который, и не ведаю, обломится ли мне гонорар...

